

Title	Письма к Иоанну Кронштадтскому как источник для изучения настроений в российском обществе начала XX века
Author(s)	Кириллова, Елена
Citation	Acta Slavica Iaponica, 38, 121-132
Issue Date	2017
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.38.121
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/84100
Type	departmental bulletin paper
File Information	38_06_Kirillova.pdf

Source Studies

Письма к Иоанну Кронштадтскому как источник для изучения настроений в российском обществе начала XX века

Елена Кириллова

Антропологический поворот в историографии включил в орбиту интереса историков новые поля исследования, ученые все чаще пытаются смотреть на происходившие процессы с позиции их участников, обращаются к изучению жизненных практик, ментальных установок представителей разных социальных групп. Новое значение для российских исследователей сегодня приобретает проблема «человек в эпоху перемен». Вместе с тем источников, позволяющих проследить восприятие переломных событий их современниками, представителями различных слоев общества, не так много, особенно скудна источниковая база для изучения мнения простого народа. Очевидно, что для исследований в данной области необходимы эго-документы, раскрывающие личностный опыт участников исторического процесса.

При рассмотрении вопроса об отношении населения к происходившим в начале XX века в Российской империи изменениям можно использовать письма к Иоанну Кронштадтскому, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.).¹ Иоанн Кронштадтский (в миру — Сергеев Иоанн Ильич; 1829–1908 гг.) был знаменитым деятелем церкви, духовным писателем. Всю свою жизнь он служил в Кронштадте, где с 1875 года был протоиереем, а с 1894 года — настоятелем Андреевского собора. Не поднимаясь на высокие ступени церковной иерархии, он стал чрезвычайно популярен в Российской империи. Особую известность он приобрел после посещения в 1894 г. умиравшего царя Александра III. Его поклонники стекались отовсюду в Кронштадт, создав вокруг его имени настоящий культ. На его службы собирались большие массы народа, он искусно воздействовал на чувства верующих, его проповеди отличались чрезвычайной эмоциональностью. Иоанн Кронштадтский считал себя не только духовным лицом, но и миссионером, общественным деятелем. Отец Иоанн придерживался правых консервативных монархических взглядов, которые он излагал в своих трудах, его многочисленные статьи публиковались в церковных изданиях, в городских газетах. Он вел обширную переписку, каждый день получал многочисленные письма и телеграммы. Большое

1 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1.

значение имела его благотворительность: он жертвовал огромные суммы нуждавшимся и на богоугодные цели (строительство церквей и монастырей, в частности, основал Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, где он был похоронен). В Кронштадте организовал Дом трудолюбия (рабочий дом с мастерскими и церковью), а также около 12 благотворительных заведений: начальное народное училище для мальчиков и девочек, детский приют, женскую богадельню, лечебницу, читальню, столовую, даже спасательную станцию. В 1990 г. Иоанн Кронштадтский причислен к лику святых Русской православной церковью. В последнее время заметно усиление интереса к отцу Иоанну в российском обществе, появляются новые труды о нем, переиздаются написанные ранее его поклонниками. Но в большинстве они носят панегирический или популярный характер.²

Исключением является монография Н. Киценко,³ в которой Иоанн Кронштадтский представлен деятелем-новатором периода, когда церковь искала ответы на вызовы модернизации. В условиях зарождавшегося массового общества отец Иоанн пытался переосмыслить роль священника. Н. Киценко были использованы письма из ЦГИА СПб., но они анализируются как отражение русского религиозного сознания, а также с целью выявления отношения в народе к этому знаменитому деятелю церкви.

Письма к Иоанну Кронштадтскому представляют собой разновидность «писем во власть», которые в последнее время часто используются исследователями для изучения общественного сознания.⁴ Отличие писем к отцу Иоанну состоит в том, что адресовались они конкретному представителю церковной власти, полномочия которого для авторов были не менее реальны, чем полномочия светской власти. Поэтому к священнику нередко обращались с чисто мирскими просьбами (помочь материально, устроить на работу).

Документы в ЦГИА СПб. выделены в отдельный фонд «Сергеев Иоанн Ильич (Кронштадтский) — протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте (1828–1908)» (ф. 2219) и распределены по темати-

2 *Одинцов М.* Иоанн Кронштадтский. М.: Молодая гвардия, 2014; *Басинский П.* Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: Аст, 2013; *Сурский И.К.* Отец Иоанн Кронштадтский: В 2-х тт. М.: Паломник, 1994.

3 *Киценко Н.* Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: НЛЮ, 2006.

4 *Попова О.Д.* «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: Восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // *Новый исторический вестник*. 2016. № 2(48). С. 72–81; *Попова О.Д.* «Когда же она кончится, эта руководящая власть КПСС?»: Образ власти в сознании советских людей во времена перестройки // *Новый исторический вестник*. 2015. № 1(43). С. 68–81; *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: Российская политическая энциклопедия, 2011; *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. С. 94–102.

ческому признаку в 73 дела. В фонде хранится несколько тысяч писем и телеграмм, так, по сообщению Н. Киценко, только писем с просьбами об исцелении насчитывается около 4 тысяч.⁵ Материалы хронологически относятся ко II половине XIX в. – 1908 г., особенно много писем стало поступать с 1890-х гг. Это не только соответствует годам служения отца Иоанна, но и совпадает с периодом больших потрясений и реформ в стране, трансформации политической и социальной сфер общества.

География писем к Иоанну Кронштадтскому охватывает в основном европейскую часть Российской империи, большинство пришло из Санкт-Петербурга, много адресантов — из Архангельской губернии, родины отца Иоанна, есть письма из Москвы, Киева, Харькова, Смоленска, Подольской и Олонецкой губерний, из западных областей (Гродненская губерния, г. Митава). Поскольку адреса авторов не приводятся во всех письмах (можно предположить, что они указывались на конвертах, которые не сохранились в делах фонда), то невозможно распределить адресантов по территории Российской империи, тем более нельзя заключить отсюда, в каких регионах Иоанн Кронштадтский пользовался наибольшей популярностью. К отцу Иоанну приходили также письма и телеграммы из-за границы, как от соотечественников (обычно находившихся в трудной материальной ситуации и просивших о денежной помощи), так и от иностранцев (они просили помолиться о больных).⁶

Социальный состав авторов также очень разнообразен: члены царского дома и придворные, деятели церкви, высокообразованные чиновники и дамы, помещики, сельские учителя, крестьяне, настоятельницы монастырей и монахини. Встречаются послания малограмотные, представляющие собой набор слов, смысл которых угадывается с трудом. Единственной объединяющей характеристикой всех авторов писем является грамотность.

Документы фонда касаются всех сторон деятельности Иоанна Кронштадтского, много писем личного характера от его родственников и близких людей, с которыми он состоял в постоянной переписке, здесь же деловая корреспонденция (счета, квитанции, переписка о детских приютах). Но основную часть документов составляют письма и телеграммы посторонних лиц к знаменитому пастырю.

В большинстве своем письма содержат просьбы о помощи и заступничестве (благословить, помолиться, дать совет, наставление), обычно сопровождаемые рассказом о личных проблемах авторов и близких им людей. Некоторые почитатели присылали поэтические восхваления знаменитому пастырю.⁷ Однако содержание документов этим не ограничивается: высказываемые в письмах точки зрения концентрированно

5 Киценко. Святой нашего времени. С. 130.

6 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 48. лл. 1-53.

7 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 44. лл. 1-9.

отразили противоречивое отношение к происходившим в российском обществе переменам. Эти письма являются массивом однородных документов, позволяющим изучать общественное мнение. Одновременно важным достоинством представленных документов является то, что они отражают взгляды «безмолвного большинства», которое не имело других возможностей высказаться. Писались эти послания к Иоанну Кронштадтскому по собственной инициативе авторов, что обеспечивает их искренность, особенно, если адресовались они священнику.

В фонде Иоанна Кронштадтского представлены письма с размышлениями о политических и социальных проблемах, авторы которых пытались разобраться в сути происходивших процессов, понять «кто виноват», а не просто просили благ для себя и близких. В наибольшей степени таким содержанием отличаются документы, собранные в два дела фонда: Дело 32 «Письма разных лиц в ответ на погромную проповедь И.И. Сергеева против Льва Толстого. 1893–1906 гг.» и Дело 55 «Письма и телеграммы разных лиц с изложением событий, затронувших их личные интересы в дни революционного движения 1901–1904 гг. и революции 1905–1907 гг.».

Авторы писем прямо или косвенно выражали свое мнение о происходившем в России. Революционные события начала XX века для современников стали большим потрясением, которое вызывало страх, но заставляло задуматься о судьбе страны: «Какое ужасное время переживает Россия», «непроглядная тьма окутала Россию». ⁸ Характерен такой взгляд на происходящее: «В это время смутное, когда Россия переживает всякие беды и невзгоды». ⁹ Авторы называли современные им события «смутой», такое определение постоянно встречается в письмах, становится лейтмотивом. ¹⁰ Это соответствовало официальному дискурсу: выражение «смуты и волнения» использовано в царском манифесте от 17 октября 1905 г., даровавшем российским подданным политические свободы. ¹¹

Общий настрой авторов посланий к Иоанну Кронштадтскому можно проиллюстрировать текстом одной телеграммы: «В настоящее время волнений и смут просим ваших молитв и благословения. Дарья и Николай. Москва, Симонова слободка» ¹² (правописание здесь и далее приведено к современным нормам, однако сохранены особенности орфографии и пунктуации авторов писем). Эсхатологических настроений из такого рода высказываний вывести нельзя, ¹³ конца света авторы не ожидали.

8 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, л. 20; Там же, д. 55, лл. 13, 35об., 39.

9 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, л. 29.

10 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, л. 34; Там же, д. 55, лл. 29, 44, 52, 57.

11 Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 41.

12 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 61.

13 Ср.: Киценко. Святой нашего времени. С. 279.

Письма не содержат реминисценций из Библии, связанных с апокалиптическими предсказаниями. В просьбах помолиться присутствует более надежда на избавление от несчастий.

Реформам, предпринятым царским правительством в ответ на революционные события 1905 г., также уделялось немало внимания в посланиях к Иоанну Кронштадтскому. Отношение к реформам так выразил автор одного письма: «Прочитав Манифест 17 Октября 1905 г. и разъяснение его для русского народа, я исполнился печали о происходящем на Святой Руси».¹⁴ Свое мнение о переменах изложила в письме от 6 апреля 1906 г. игуменья Таисия¹⁵: «Страшат меня результаты Государственной Думы, — перевернут они Россию православную на иностранный лад!».¹⁶ Письмо отражает не только страх, но также понимание игуменьей характера проводившихся реформ. Другой автор высказал свой взгляд на современные события: «Дума пока не успокаивает, а разжигает низменные страсти людские, поэтому так и подняли головы социал-демократы».¹⁷ Многие авторы негативно воспринимали изменения в политическом устройстве страны.

Вопросу о власти государя посвящено обращение к царю, присланное Иоанну Кронштадтскому, видимо, в надежде, что оно будет передано по назначению: «Великий Государь! Внемли умоляющему голосу твоего народа, глубоко скорбящего о попрании всего дорогого родного, приносимого теперь в небывало смутное время в жертву кучки бунтующих изменников, раскинувших свои пагубные сети во все уголки Твоей Великой Державы... Ты обманулся, Великий Государь, поверив, что Твой народ желает вырвать у Тебя самодержавную власть — это не народ твой — а дерзкие его отщепенцы, они хотят взять власть с боя и погубить народ Твой, искренне скорбящий об ограничении Твоего самодержавия, без которого должна рухнуть целостность, спокойствие и величие России. Прояви Твою истинную строгость, Великий Государь, к дерзким нарушителям существующего порядка и защити нас от их сетей и злобы. Мы жители Харькова в ужасной беде, как и вся Россия. Истинная подданная Твоей державы В. Александрова».¹⁸ Монархические настроения характерны для многих писем к отцу Иоанну, который был ярким сторонником монархии и даже всячески афишировал свои личные связи с царствующим домом, в

14 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, л. 11.

15 Настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря в Череповецком уезде, близкая духовная дочь отца Иоанна, находилась с ним в переписке, после его смерти издала его письма, см.: Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игуменнии Таисии. СПб., 1909.

16 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 19.

17 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 35об.

18 Там же, лл. 57–58.

частности, печатал в газетах свои телеграммы к семье Николая II и, конечно, полученные в ответ высочайшие послания.¹⁹

При этом нельзя утверждать, что авторы писем к Иоанну Кронштадтскому относились исключительно к консервативному (порой — к реакционному) лагерю, являлись глубоко религиозными, если не сказать: фанатичными приверженцами священника. Как ни странно, но писали ему также противники, совершенно не согласные с его взглядами, даже пытались переубедить отца Иоанна. Так, один из авторов писал, что «нынешнее положение почти безвыходное для низших классов», поскольку дарованные манифестом 17 октября 1905 г. права не соблюдались: «полиция врывается в каждый дом для обыска или избиения», им подвергаются все, кто «стоит за матушку правду и за бедный народ». Автор призывал отца Иоанна обратить «внимание на нужды народа..., которому нужны не нагайки, а те права которые обещаны государем Императором и за которые стоят студенты».²⁰ Свою точку зрения на изменения в политической жизни страны высказал в ноябре 1906 г. Владимир Столовский (не побоявшийся подписаться, что является скорее исключением среди авторов, критикующих Иоанна Кронштадтского): «Отказаться от даров самоуправления, участия в Государственной Думе могут только слепцы... Только при участии всех возможны в общественной жизни добрые отношения между людьми».²¹ Сторонники реформ также обращались к отцу Иоанну, хотя находились они в явном меньшинстве.

Своими размышлениями о роли церкви в жизни страны делились со священником в марте 1905 г. трое учащихся московского реального училища: «Неоднократно читая в газетах о религиозных бесчинствах, совершающихся в Кронштадте, в городе, где Вы живете и пастырем жителей которого Вы состоите, и, видя, какое отвращающее действие они производят к религии, к русской Церкви, осмеливаемся просить Вас разъяснить нам, почему они так долго не прекращаются. Ведь не можете же Вы быть пассивным свидетелем этих безобразий, не можете Вы содействовать им своим молчанием? В наше время, когда все общество, а особенно мы, молодежь, мучаемся сомнениями, повсюду ищем чистых, великих идеалов, которые были путеводными звездами в нашей жизни, неужели служители Церкви не имеют достаточно энергии, чтобы охранить ее от этих мерзостей, вкрадывающихся грязным потоком в это великое — хранилище идеалов? Не хочется верить, чтобы балаганной мишурой пошлых процессий с «богородицами» и «ангелами» можно было иметь намерение поддержать Церковь! Думается, что это не какое-то учреждение, которое должно поддерживаться искусственно, а Нечто Великое, без чего не может жить народ, которое не выдуманно людьми, а постановлено Богом, и

19 Напр.: Котлин. 1905. № 30. 8 февраля.

20 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 42.

21 Там же, лл. 50–51об.

его лишь могуществом может быть сохранено для счастья людей. Разрешите же, уважаемый отец Иоанн, наши жгучие вопросы и сомнения. Надеемся услышать от Вас слово истинного пастыря Церкви».²²

Гнев этих московских реалистов (они тоже не побоялись подписаться) вызвали процессии поклонников Иоанна Кронштадтского, которые своей восторженностью, даже одержимостью порождали нездоровую атмосферу вокруг него. Не являясь сторонниками подобного рода поклонений, бросающих тень на Церковь, высказывая критику в адрес отца Иоанна, молодые люди надеялись при этом обрести важные для них ответы.

Таким образом, за помощью и защитой к Иоанну Кронштадтскому обращались не только лица, полностью поддерживавшие священника, отрицательно относившиеся ко всем изменениям в обществе. Поэтому в письмах представлен широкий спектр политических настроений начала XX века.

Однако чаще всего в посланиях к отцу Иоанну выражался страх перед событиями, развернувшимися в стране: «Страшно думать, что ждет наше дорогое отечество. Все эти забастовки грозят чем-то ужасным. И церковь и вера православная в опасности».²³ В представлении обывателей катаклизмы и потрясения становились неразрывно связаны с реформами; причинно-следственные связи между ними оставались неясными. Объяснение трагическим событиям находили в том, что произошло отступление от устоев миропорядка; проводимые сверху реформы тоже являлись отказом от традиций. Авторы были убеждены в необходимости сохранения роли Церкви в обществе. Так написала отцу Иоанну духовная дочь Екатерина Андросова: «У нас появились люди, старающиеся возмутить народ против духовенства и против законов совести, но народ хотя и малограмотный, но пока еще верующий».²⁴ Соблюдение заветов православия в трудные времена становилось залогом избавления от бед и несчастий.

Особенно это отразилось в письмах, присланных Иоанну Кронштадтскому в ответ на его проповеди против Льва Толстого.²⁵ Одновременно эти документы свидетельствуют о поляризации политических взглядов в российском обществе. Письма датируются 1893–1906 гг., написаны они в ответ не на определенную проповедь, а на многочисленные выступления, проповеди и статьи Иоанна Кронштадтского,²⁶ направленные против

22 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 40, лл. 35–36.

23 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 72.

24 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 59.

25 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, лл. 1–45.

26 Среди них: «Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его “Обращение к духовенству”» (1903 г.), «О душепагубном еретичестве графа Л.Н. Толстого» (1907 г.), «В обличение лжеучения графа. Из дневника» (1910 г.)

учения Льва Толстого о церкви.²⁷ Тон этих сочинений И. Кронштадтского был резкий и злобный, нередко высказывалось пожелание разнообразных кар и наказаний для Л. Толстого, отвергавшего многие постулаты православной церкви.

Строго говоря, в архивном деле представлены не только письма, написанные под впечатлением проповедей, но и другие документы: записки с просьбой помолиться за кого-либо, письма знакомых о личных проблемах, сообщения сотрудников изданий, с которыми сотрудничал отец Иоанн. Объединены эти документы упоминанием имени Льва Толстого, авторы выражали свое отношение к нему или мнение о высказываниях отца Иоанна.

В деле собраны письма 25 авторов, семь из них высказывались отрицательно по поводу выступлений Иоанна Кронштадтского, но только двое категоричны в своем неприятии Иоанна и его взглядов, только их можно отнести к его противникам, к явным представителям демократического лагеря, оба предпочли остаться анонимными. Один из них подписался: «Не толстовец», высказал свое мнение о посланиях Иоанна: из них «рисуетя не просвещенный и гуманный пастырь, а изувер с самым узким кругозором». И обращался к священнику: «Толстого оставьте, ибо не Вам погасить этот великий светильник ума».²⁸ Второй изложил свои мысли в стихотворной форме, прислав произведение под названием «Пастырям церкви», посвященное Л. Толстому:

«Толшой завистников бессильных осужденный
За то, что он об истине учил;
Предстал перед судом он гордый, непокорный.
Седой главы пред ними не склонил...».²⁹

Далее автор, подписавшийся буквой «К» и тремя в треугольник выстроенными буквами «х», задавался вопросом: за что осужден Л. Толстой? Отвечая на него, автор стихотворения оправдывал великого писателя.

Критики отца Иоанна не являлись однородной группой, среди них выделялись те, кто, с уважением относясь к авторитету священника, тем не менее, высказывали сомнения по поводу категоричности его обличений Толстого: «Не скрою от Вас того, что я, прочитав вышесказанные строки Ваши, пришел в немалое смущение; ибо усердно молился и молюсь Богу об обращении погибающего Л.Н. Толстого к сознанию своих тяжких заблуждений и раскаянию».³⁰ Подобными же сомнениями поделился со

27 Религиозные воззрения Л.Н. Толстого были изложены им в сочинениях «Исповедь» (1878–1872 гг.), «Критика догматического богословия» (1880 г.), «Краткое изложение Евангелия» (1881 г.), «В чем моя вера» (1884 г.), «Воскресение» (1899 г.), «Ответ на постановление синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма» (1901 г.), «Обращение к духовенству» (1902 г.).

28 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, лл. 1, 2.

29 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, л. 3.

30 Там же, л. 28.

священником 67-летний петербуржец Н.М. Соковнин. Он написал, что прочитал в стенном календаре мысли отца Иоанна и «радостно вкушал великое значение этих слов и вдруг искуситель пролил в мою душу яд сомнений, которые я молю Вас разъяснить. Мне случилось ознакомиться с Вашими обличительными словами, произносимыми в Божьем Храме и часто воспроизводимыми на страницах «Ведомостей С.-Петербургского градоначальства», направленными против Графа Льва Толстого. И вот я не нахожу душе покоя: как примирить Ваши обличительные речи, столь чуждые духа христианского незлобия, терпимости и всепрощения и Ваше карающее письмо с прекрасными словами, которые я при сем прилагаю».³¹ В полемику со знаменитым священником вступил толстовец Александр Нератов из Митава, одновременно прося разъяснения: «Почтительнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Отец, не отказать разъяснить мне, если у Вас найдется свободное время, в чем Вы видите ложность учения Графа Толстого и извращение им смысла Евангелия и почему Вы уподобляете Графа Толстого Иуде предателю».³² К сожалению, материалы архива не позволяют установить, получил ли автор разъяснения от Иоанна Кронштадтского.

Остальные авторы писем поддерживали позицию отца Иоанна: «Толстовская ересь губит Русский народ православный», — сформулировал в своем письме крестьянин из Подольской губернии Ф.Т. Волынец.³³ Далее автор изложил свои рассуждения про Думу, куда «выберут неверующих», и ничего хорошего из этого не будет. Определяя врагов православия, он высказал антисемитские мысли.³⁴

Если внимательно вчитаться в документы, то становится ясно, что речь в них идет не столько о Льве Толстом и его учении, сколько о происходивших в России потрясениях и переменах, символом, а иногда и главным виновником которых стал для авторов Л. Толстой. Взяться за перо большинство авторов заставило не просто неприятие безбожника Толстого, но также опасения за судьбу страны: «Будущее наше Русским образованным людям рисуется в самых мрачных красках».³⁵

Авторы писем, высказавшиеся в поддержку позиции отца Иоанна, действительно, нередко отличались образованностью. Особенно показательно письмо, подписанное «истинно преданные Вам киевлянки».³⁶ Стиль этого послания экзальтированный, но добротная публицистичность и безукоризненная грамотность выдают дам высокообразованных, даже имевших навыки работы со словом. Хорошая плотная бумага напе-

31 Там же, л. 15.

32 Там же, л. 36об.

33 Там же, л. 11.

34 Там же, л. 11об.

35 Там же, л. 20об.

36 Там же, л. 44–45.

чатанного на машинке без малейшей помарки письма позволяет предположить, что авторы его принадлежали к обеспеченным кругам общества.

Не жалея красок, киевские дамы обличали пагубность толстовства для России: «Мы говорим о русском безбожии, во главе которого стал твердой ногой один из малых предтеч великого евангельского антихриста — граф Л. Толстой. От ужаса мысль цепенеет, сердце холодной кровью обливается при виде демонических происков этого дерзкого лжепророка. У России не было более злого, более опасного врага; он налег всеми своими чудовищными силами на то, чем красна и могуча русская история; он нагло попирает и топчет в грязь все исторические сокровища русского человека: семью, веру в Бога, беззаветную любовь к Царю и отечеству».³⁷ Для усиления воздействия на читателя употреблялись риторические вопросы: «Чего он хочет от России? Что она, бедная, сделала ему? Откуда эта сатанинская злоба и неодолимое стремление причинить ей зло — неизмеримо большее, чем, на протяжении тысячи лет, ей причиняли монголы, татары и все иноплеменные нашествия?».³⁸

Далее высказывалась обеспокоенность тем, какое влияние оказывает учение Толстого на молодежь: «И посмотрите, что он делает с современным молодым русским поколением? Ведь все зажигательные его прокламации, его глумление над русским патриотизмом, его низведение православной божественной литургии на степень потешного балагана, — все это, хотя и в заграничных изданиях, жадно читается нашей молодежью, и авторитет имени Толстого не допускает в юных головах ни критики, ни сомнений. Да и какие тут могут быть сомнения, когда вся русская, так называемая передовая, пресса одно лишь имя Льва Толстого упоминает не иначе, как с лакейским и фанатичным благоговением?».³⁹

В бездействии обвинялись «правлящие сферы», найдены и другие виновники происходящего: «Грех, великий, постыдный грех и тяжкий ответ перед Богом падет на души русских псевдолибералов; они являются действительными заведомыми пособниками чудовищному злу, в сети которого влечет антихрист — Толстой сотни тысяч юных жертв».⁴⁰ Авторы обращались к Иоанну Кронштадтскому как единственному, кто способен противостоять этому «лютому» врагу: «Но нам верится, что Вы, святой отец, охраните Россию от грозящего ей страшного бедствия, Вы, и только Вы один, во всеоружии Вашей духовной мощи, можете достойно сразиться с русским супостатом, разоблачить самозванное его апостольство и свергнуть идола с его высокого пьедестала, куда вознесли его злые пасынки России».⁴¹

37 Там же, л. 44об.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же, л. 45.

41 Там же.

Киевлянками двигал также страх за будущую судьбу страны: «Конечная беда не в том еще, что духовно гибнет русская молодежь, растлеваемая учениями Толстого, а в том, что эта самая молодежь через каких-нибудь 15–20 лет станет в ряды общественных, а то и государственных деятелей. И страшно подумать, что тогда у нас будет твориться...».⁴² Киевлянки, горячо выступавшие против Л. Толстого и его учения, на самом деле выражали беспокойство по поводу ситуации в стране в целом.

Авторов писем к Иоанну Кронштадтскому нельзя причислить к определенной социальной группе или политическому лагерю, как это делает Н. Киценко, считая, что писали ему только убежденные монархисты или неопределившиеся во взглядах.⁴³ Именно среди авторов писем политического характера можно вычлениить представителей либерального, если не революционного лагеря, готовых вступить в полемику со знаменитым священником. Поэтому письма к Иоанну Кронштадтскому являются представительной выборкой, отражающей мнения различных слоев российского общества.

При этом документы дают наиболее полное представление о настроениях консервативной части общества, особенно болезненно реагирующей на малейшие изменения общественного устройства.⁴⁴ Материалы фонда Иоанна Кронштадтского документируют неприятие значительной частью населения стремительных социально-политических процессов начала XX в. (демократизация, индустриализация, урбанизация). С ними неразрывно связывалось разрушение традиционных отношений и связей, в том числе отказ от религиозных представлений, в которых виделась одна из основных скрепляющих общество осей. В письмах ярко выражены ментальные установки населения, ориентированные на следование традиции, «старине». Причем подобные установки были присущи не только крестьянству, на что обычно указывается в научной литературе,⁴⁵ но они были сильны и у представителей других сословий. В современной российской историографии особо подчеркивается неустойчивость и аморфность политического сознания большей части населения, невосприимчивость к идеям реформ, что объясняется давней традицией политической индифферентности социальных низов.⁴⁶ В зарубежной

42 Там же, л. 45.

43 Киценко. Святой нашего времени. С. 298.

44 Консервативное мировоззрение как комплекс идей см.: Лукьянов М. Российский консерватизм и реформа, 1905–1914. Штутгарт, 2006. С. 19.

45 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). В 2-х тт. Т.1. СПб., 2003. С. 331, 337–339.

46 Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

историографии внимание заостряется на способности различных социальных слоев российского общества воспринимать идеи модернизации.⁴⁷

Письма к Иоанну Кронштадтскому документируют широкий разброс политических мнений в российском обществе, но это не единственная их особенность. Другие отличительные черты их выявляются при сравнении с коллекцией писем, хранящихся в фонде Московского охранного отделения в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).⁴⁸ Этот фонд содержит анонимные обращения на имя чиновников московской полиции и также предоставляет обширную информацию для анализа общественных настроений в России первых лет XX века. Анонимные обращения в Московское охранное отделение передают мнения идейно противоположных общественных слоев Российской империи, но они отличаются разительно даже по стилю от писем к Иоанну Кронштадтскому: написаны они грубым, иногда — вульгарным языком, нередки угрозы и ругательства. Причем такого содержания письма отправляли не только представители революционных групп и объединений, но и промонархически настроенные обыватели, что выделяет автор, исследовавший их.⁴⁹ Несомненно, анонимность этих посланий допускала большую неразборчивость в выражениях. Но главная причина вежливости писем к Иоанну Кронштадтскому видится в том, что адресанты испытывали уважение к человеку, которому они писали. Среди писем к Иоанну Кронштадтскому есть также анонимные, но они обходились без грубых выражений, даже если иногда содержание этих писем имело элементы доносительства, разоблачения (о священнике — поклоннике Льва Толстого или о курсистке, которая «путает и совращает моего племянника Михаила, совращает его в неверие, богохульство, блуд».⁵⁰ Люди, близкие к церкви, и писавшие поэтому именно Иоанну Кронштадтскому, отличались большей терпимостью к противникам. Авторы этих писем были более предрасположены к размышлениям о происходивших событиях и судьбе страны, чего не обнаруживается в документах Московского охранного отделения из ГА РФ. Поэтому коллекция писем к Иоанну Кронштадтскому является особенно ценной для исследователей.

47 L. Haimson, „Das Problem der sozialen Stabilität im städtischen Russland 1905–1907,“ *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionärem Russland* (Köln, 1975), pp. 304–332; Sc. J. Seregny, „Peasants and Politics: Peasant Unions during the 1905 Revolution,“ *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921* (Princeton, New Jersey, 1991), pp. 341–377; R. Service, *The Russian Revolution, 1900–1927* (Hampshire, 2009), pp. 35–38.

48 *Медведев С.В.* Анонимные письма в московские полицейские учреждения: доносы о противоправительственной деятельности и угрозы властям (1903–1907 гг.) // Вестник РГГУ. Исторические науки. История России. 2016. № 1. С. 47–58.

49 Там же. С. 58.

50 ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 32, лл. 7–8; ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 55, л. 71.